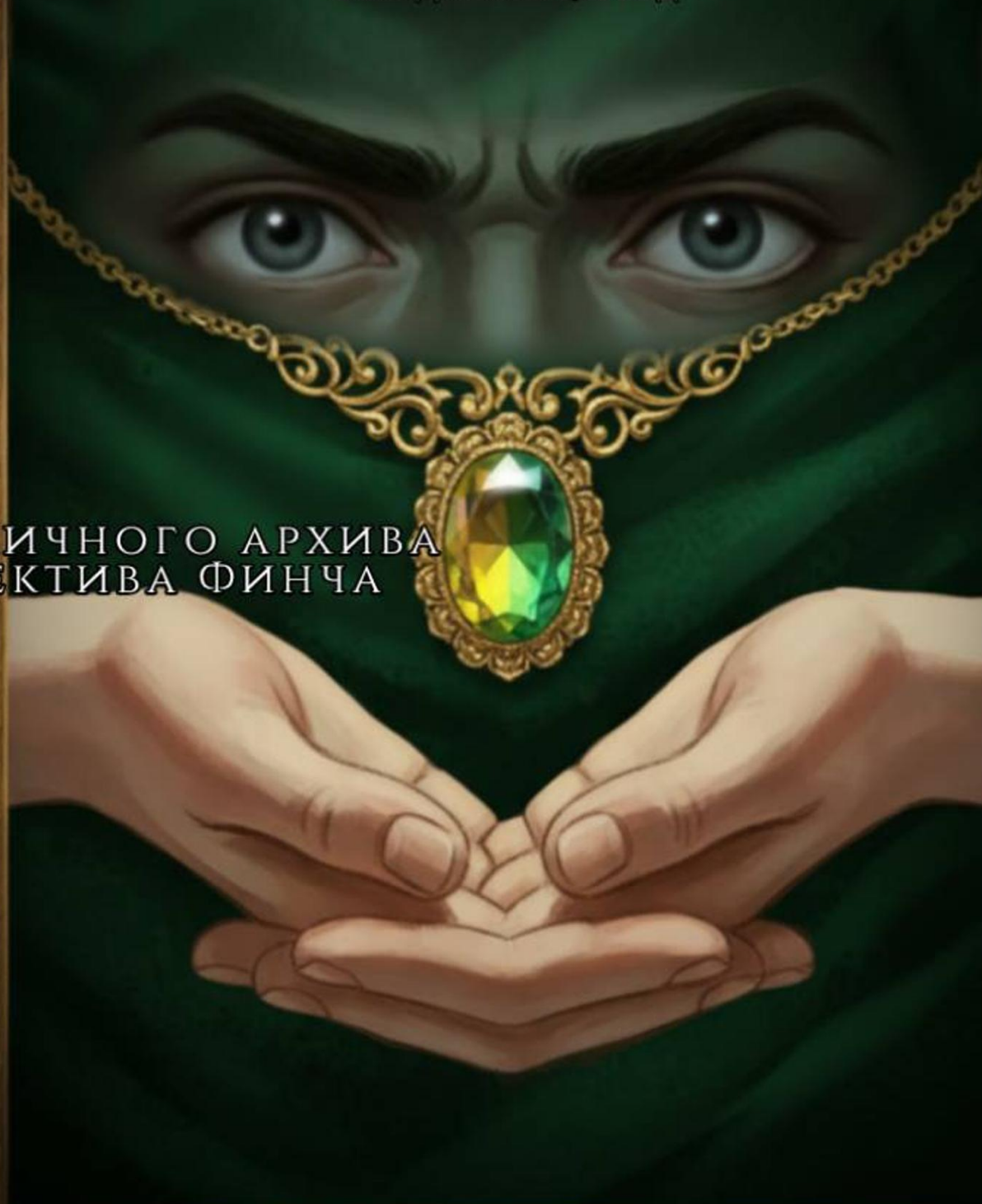

Дело о пропавшем

ОЖЕРЕДЬЕ

Филадельфия 1911 год

Из личного архива
детектива Финча

СУЧКОВА СОФЬЯ
(SONIADY)

Софья Сучкова (Soniagdy)
Дело о пропавшем ожерелье

«Автор»

2026

Сучкова (Soniagdy) С.

Дело о пропавшем ожерелье / С. Сучкова (Soniagdy) — «Автор», 2026

Из личного архива детектива Финча
Филадельфия, ноябрь? 1911 год. Снег за окном, запах каши и топлёного молока на кухне, деревянная ложка в руках маленького Уолтера — и вдруг три коротких удара в дверь. Август Финч пришёл не просто выпить чаю. Письмо из глухой деревушки за холмами: пропало фамильное ожерелье с зелёно-жёлтым камнем, доставшееся от прабабушки. Кто его взял? Цыгане, стоящие табором у леса? Новые соседи, бежавшие от уличных банд? Или кто-то из своих? Вместе с верным напарником Калемом Морганом Август отправляется в снежную глушь. Следы ведут к цыганам, к соседям, к членам семьи. Но кто же на самом деле взял ожерелье? Ответ найдётся там, где его никто не искал.

© Сучкова (Soniagdy) С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дело о пропавшем ожерелье	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Софья Сучкова (Soniagdy)

Дело о пропавшем ожерелье

Дело о пропавшем ожерелье

Снег лежал на подоконнике тонкой, неровной полосой. За окном — серое филадельфийское утро, без солнца, но и без той промозглой тоски, что бывает в ноябре, когда дождь переменяется с мокрым снегом, а ветер гонит по мостовой последние листья. Сегодня снег просто лежал — спокойно, ровно, припорошив карнизы и ветки голых вязов за окном.

Кaleb сел на кровати, потеряв лицо ладонями. Холодный воздух из приоткрытой форточки щипал щёки. Он натянул штаны, сунул ноги в шерстяные носки — Мэгги вязала их сама, плотные, с узором из ромбов, — и вышел в коридор.

На кухне пахло кашей и топлёным молоком.

Уолтер сидел на столе, свесив ноги в пухлых штанишках, и с серьёзным видом рассматривал деревянную ложку, которую Мэгги дала ему, чтобы он не лез в кастрюлю. Он вертел её в руках, подносил к глазам, стучал по краю стола — пробовал на звук. Кaleb подошёл, наклонился и поцеловал сына в макушку — волосы пахли молоком и детским мылом.

— Папа, — сказал Уолтер, не поднимая глаз, и снова застучал ложкой.

Мэгги стояла у плиты, помешивая кашу. Сзади, со спины, Кaleb видел, как напряжены её плечи — она сосредоточенно мешала, чуть склонив голову. Он подошёл, обнял её со спины и уткнулся носом в шею, втягивая ноздрями тепло, запах корицы и выпечки, который всегда витал на кухне, когда она готовила.

— Доброе утро, — промурлыкал он в плечо.

— Доброе, — она не обернулась, но на мгновение откинула голову назад, на его плечо. — Садись, сейчас будет готово.

Кaleb взял Уолтера на руки, усадил к себе на колени, развернул газету — «Филадельфия Инквир» — и откусил от тоста с клубничным джемом, который Мэгги уже положила на тарелку. Мальчик тут же потянулся к его руке, пытаясь дотянуться до тоста. Кaleb отломил кусочек и дал сыну. Тот сунул его в рот, испачкал джемом щеку и довольно засопел.

Мэгги налила кашу в миски, поставила на стол и села напротив.

— Что в газете? — спросила она, пододвигая к себе чашку с чаем.

Кaleb пробежал глазами по заголовкам, прожевав тост.

— Выборы. Бланкенбург победил. Новый мэр, реформатор. Говорят, впервые с восьмидесяти первого года республиканцы проиграли.

— И что теперь? — Мэгги отпила чай.

— Не знаю. Обещает бороться с коррупцией. Посмотрим, — он перевернул страницу. — Суфражистки на Честнат-стрит газеты продавали. С сумками, на которых написано «Votes for Women». Девушки молодые. Одна, пишут, вообще сдачу не давала.

Мэгги улыбнулась.

— Хорошие девушки.

— Ещё про футбол пишут, — Кaleb хмыкнул. — Армия против флота, скандал с билетами. Спекулянты продают места, которые должны были достаться офицерам. По десять долларов за билет. Это где ж такие деньги?

— У людей, которым есть что тратить, — ответила Мэгги, пододвигая к нему тарелку с кашей. — Ешь, а то остынет.

Уолтер потянулся к ложке в руке отца. Кaleb зачерпнул немного каши, подул и поднёс к губам сына. Тот открыл рот, съел и улыбнулся — и в ту же секунду в дверь постучали.

Три удара. Коротких. Твёрдых.

Калеб переглянулся с Мэгги. Поставил Уолтера на пол, вытер руки о штаны и пошёл открывать.

На пороге стоял Август Финч. Снег на воротнике его темного пальто ещё не растаял. Шляпу он держал в руке. Дышал часто — видимо, шёл быстро.

— Доброе утро, — сказал он через порог, чуть запыхавшись.

— Доброе. Заходи, — Калеб посторонился. — А то мёрзнешь там.

Финч перешагнул порог, снял пальто, повесил на крючок. Прошёл на кухню, кивнул Мэгги:

— Доброе утро, Мэгги.

— Доброе. Садитесь, мистер Финч, — Мэгги уже ставила на стол ещё одну чашку. — Чай будет через минуту. Каша ещё горячая.

— Спасибо, но я, пожалуй, не буду. — Он помахал Уолтеру. Мальчик, сидя на полу, поднял голову, узнал его и улыбнулся. — Привет, маленький человек.

Уолтер засмеялся и снова уткнулся в деревянную лошадку, пробуя на вкус.

Финч повернулся к Калебу:

— Есть дело.

Калеб стоял у стола, держа в руке чашку с чаем. Не пил. Ждал.

— Что на этот раз? — спросил он, ставя чашку на стол.

Август вытащил из внутреннего кармана конверт, сложенный вдвое. Бумага была дешёвой, сероватой, с неровными краями. На конверте — ни адреса, ни марки. Только имя, написанное от руки: «Пайн-стрит. Белый особняк. Мистеру Финчу».

— Письмо пришло сегодня рано утром. Из деревушки, что в двадцати милях к северу, за холмами. — Он протянул конверт Калебу. — Женщина пишет. Говорит, пропала семейная реликвия. Большой ценности. Просит приехать.

Калеб взял конверт, но не открыл — просто посмотрел на него и повертел в пальцах.

— И ты уже решил, что поедешь?

— Я решил, что спрошу тебя, — Финч чуть склонил голову. — Хочешь — поедем вместе.

Калеб посмотрел на Мэгги. Та стояла у плиты, спиной к ним, но он видел, как она замерла, прислушиваясь.

— Дай мне пять минут, — сказал он.

Август кивнул, отошёл к окну, заложив руки за спину, и уставился на улицу, где падал редкий, мелкий снег.

Через 5 минут экипаж мягко покачивало. За тонкой занавеской окна проплывали поля — белые, пустые, с редкими чёрными пятнами деревьев. Небо висело низко, серое, без единого просвета. Снег перестал идти, но ветер ещё гнал по дороге сухие колючие крупинки, и они с тихим шелестом бились в деревянные стенки.

Калеб сидел напротив Финча. Ноги вытянул, руки сунул в карманы пальто. Экипаж покачивало, и он слегка покачивался в такт, глядя на компаньона, который держал в руках письмо, развернутое на коленях.

Август надел очки в тонкой металлической оправе — недавно завёл, отчётливо стареющий жест — и пробегал глазами по строкам. Седые пряди у висков блестели в сером свете, падающем из окна. Тёмные волосы, зачёсанные назад, держались гладко, хоть ветер и трепал их у воротника, пока они садились в экипаж. На нём был белый льняной костюм — на удивление чистый для поездки, — и тёмное пальто поверх, накинутое на плечи, но не застёгнутое. Шляпа лежала рядом на сиденье.

— Ну? — Калеб кивнул на письмо.

Финч перевернул страницу, провёл пальцем по строчке и откашлялся, не поднимая глаз.

— Пишет женщина. Миссис Фаррелл. Муж — глава семейства. Речь идёт про ожерелье с камнем, доставшееся от прабабушки. Умерла два месяца назад. Завещала правнуку.

— То есть мужу.

— Ему.

Август отложил письмо на колени, снял очки, протёр и надел обратно. Поднял глаза на Калеба.

— Пишет, реликвия хранилась в шкатулке. Зарыта в сарае за домом, под досками в полу, чтобы никто не нашёл. Муж, однако, имел привычку показывать её всем, кто приезжал.

Кaleb фыркнул.

— Умно. Закопать, чтобы никто не нашёл, а потом самому каждому встречному в нос совать.

— Именно, — Август сложил письмо и сунул обратно во внутренний карман. — Соседи новые — недоверчивые, но, по словам женщины, добрые. И табор цыган неподалёку. Цыгане уже интересовались ожерельем.

Кaleb откинулся на спинку, сложив руки на груди и смотря в окно. Поля бежали мимо, и белизна слепила глаза.

— Ну, ясное дело, — произнёс он через минуту. — Цыгане. Они на драгоценности падкие. Увидели, что старик хвастается, вот и приметили. Дождались, пока все спят, и — готово.

Финч покачал головой, глядя куда-то в сторону, на мелькающие за окном голые ветки.

— Возможно. Но цыгане такой народ, который не любит связываться с полицией. Слишком заметно. Слишком рискованно. Если бы они украли, то уже снялись бы с места и ушли подальше.

Кaleb повернул голову к нему.

— И что тогда? Не цыгане, не соседи — кто?

— Пока не знаю, — Финч поднял руку и поправил воротник пальто, чуть приоткрывая край белого пиджака. — Потому и едем.

Экипаж качнуло на ухабе. За окном мелькнул придорожный столб с облупившейся краской, потом снова поле, пустое и белое. Лошади фыркали, пар вырывался из их ноздрей и тут же таял в холодном воздухе. Кучер на козлах что-то негромко напевал.

Кaleb некоторое время молчал, глядя на дорогу.

— А что ещё в письме? — поинтересовался он. — Она пишет, когда именно пропало?

Финч полез в карман, снова достал письмо, развернул и пробежал глазами.

— Говорит, что сегодня рано утром муж пошёл в сарай, чтобы показать ожерелье старому другу, который должен был приехать. Открыл шкатулку — пусто. До этого, по его словам, он заходил в сарай за неделю до этого, и всё было на месте. Значит, пропало в течение последней недели.

— За неделю много чего могло случиться, — Кaleb почесал переносицу. — Цыгане уже давно могли уйти, но они, получается, до сих пор там?

— По её словам — табор всё ещё стоит.

Кaleb поджал губы, задумался.

— А соседи? Говоришь, новые.

— Новые. Переехали недавно. Она пишет, что они живут скромно, почти бедно. Но это не значит, что они украли.

— Конечно, не значит, — Кaleb усмехнулся. — Но кто-то же взял.

Финч сложил письмо и убрал обратно в карман. Провёл пальцем по краю шляпы, выправляя поля.

— Увидим, — сказал он. — Через полчаса будем на месте.

Экипаж свернул на просёлочную дорогу. По обеим сторонам потянулись заборы и редкие дома — деревня начиналась. Снег здесь был плотнее, утоптаный, с грязными пятнами у порогов и ворот. Где-то лаяла собака, где-то дымила труба, и запах дыма просачивался внутрь.

Калёб высунулся в окно, разглядывая ворота, которые виднелись впереди — высокие, кованые, чёрные. Снег лежал на их верхних перекладинах ровными шапками.

Ворота были высокими — кованое железо, покрытое тёмно-синей краской, с узором из переплетённых прутьев и острыми наконечниками сверху. За ними не было видно ничего, только глухая стена из плотно подстриженного кустарника, слишком высокая, чтобы перешагнуть, и слишком густая, чтобы разглядеть, что за ней.

Ворота были открыты. Финч толкнул калитку. Петли не скрипнули — смазаны.

— Чисто, — сказал он тихо, почти беззвучно, и перешагнул порог.

Калёб пошёл следом, прикрыв за собой калитку. Под ногами хрустнул гравий. Дорожка вела к дому — двухэтажному, из тёмного кирпича, с белыми ставнями и черепичной крышей, на которой лежал тонкий слой снега. Слева — пустой огород, голые грядки, припорошенные снегом и что-то вроде сарайчика с примесью беседки. Справа — сарай, низкий, дощатый, с покосившейся дверью.

Финч сделал ещё два шага по гравию. Калёб увидел, как он чуть повернул голову, разглядывая следы на дорожке — свежие, но нечёткие, присыпанные снегом, который начал сыпаться с неба редкими, лёгкими хлопьями.

— Следы, — отметил Финч, почти не разжимая губ. — Три пары. Одни мужские, другие...

Он не договорил. В этот момент из-за угла дома донёсся звук. Низкий, горловой, вибрирующий.

Калёб замер.

Из тени, отбрасываемой стеной, выступила собака. Чёрный кане-корсо, массивный, с широкой грудью и короткой гладкой шерстью, которая блестела даже в сером свете. Она не лаяла — просто стояла, опустив голову, и смотрела на них жёлтыми глазами. Пасть чуть открыта, клыки видны.

Рык повторился — глубже, настойчивее.

Август успел шагнуть вперёд, плечом закрывая Калёба. Руку поднял, ладонь раскрыта — не угрожая, но предупреждая.

— Стой, — приказал он собаке. Тихо. Ровно.

Пёс не двинулся, но рык стих. Только смотрел.

— Цербер! — голос раздался откуда-то из глубины двора. Женский, резкий, властный. — Цербер, место!

Собака отошла на шаг, нехотя села, но глаза не отвела.

Из-за дома, вытирая руки о передник, вышла женщина. Лет сорока, в тёмно-синем платье и белом фартуке, на голове — платок, туго завязанный сзади. Она приблизилась быстрым шагом, положила руку на загривок пса и что-то шепнула ему — коротко, резко. Пёс опустил голову, лизнул её руку и улёгся, положив морду на лапы.

— Простите, ради Бога, — миссис Фаррелл виновато подняла глаза на Финча и Калёба. — Он чужих не любит. Сразу чует. Вы же из полиции? Мистер Финч?

— Он самый, — Финч опустил руку, но не отступил от Калёба. — А это мой коллега, мистер Морган.

Женщина перевела взгляд на Калёба. Тот, выглядывая из-за плеча Финча, смотрел на собаку.

— Сколько ему? — спросил он от испуга.

— Пять лет, — миссис чуть улыбнулась. — Старый уже. Но сторожит как надо. Никто без нашего ведома не пройдёт. — она помолчала. — Заходите, пожалуйста. Муж вас ждёт.

Она придержала пса за ошейник, пропуская их к крыльцу. Калёб обошёл собаку по широкой дуге, Август прошёл ровно — не спеша и не глядя на пса.

В доме пахло сухими травами и деревом. В прихожей было темно, но из гостиной, слева, падал свет.

Гостиная оказалась маленькой, с низким потолком и тёмными дубовыми половицами. В углу — камин, выложенный белым кафелем, рядом — кресло с продавленным сиденьем. В кресле сидел мужчина. Лицо его было серым, глаза красными, а волосы — редкие, седые — торчали в разные стороны, будто он провёл по ним рукой сотню раз. На плече у него лежала рука парня — лет шестнадцати, худого, с тёмными короткими волосами и настороженными глазами.

Увидев Финча, мужчина вскочил словно ужаленный пчелой. Затем в ту же секунду схватил руку детектива и сжал её — горячо, сильно, почти до боли.

— Мистер Финч! — воскликнул он дрожащим голосом. — Слава Богу! Слава Богу, вы приехали!

— Прошу вас, — Август мягко, но настойчиво высвободил руку. — Давайте сядем. И расскажите всё по порядку.

Мужчина плюхнулся обратно в кресло, будто ноги перестали держать. Парень снова положил руку на его плечо.

— Жена вам всё написала, — мистер Фаррелл провёл ладонью по лицу. — Но я хочу сам... чтобы вы поняли.

Он замолчал, глотнул, а после заговорил — быстро, сбивчиво, не глядя в глаза.

— Моё имя Джозеф Фаррелл. Утром я вышел в огород. Как всегда. И вспомнил: сегодня должен приехать мой друг, старый знакомый. Мы не виделись уже несколько месяцев. Я писал ему про ожерелье — хотел показать. Ну, чтоб он тоже на него посмотрел, понял... — он махнул рукой. — Я пошёл в сарай. Отодвинул ящик, убрал доски, достал шкатулку. Открыл — а там пусто! Пусто, вы понимаете?! — голос его сорвался, но он быстро взял себя в руки.

— Шкатулка была закрыта? — Финч сел напротив него в кресло, не спрашивая разрешения. Калёб сел на подлокотник.

— На замке! На ключ! — мужчина похлопал ладонью по груди, где под рубашкой на шнурке что-то висело. — Я всегда ношу его с собой. Вот!

— А сарай? — спросил Калёб, сев поудобнее.

— Тоже закрыт. Всегда. У нас там инструменты, лопаты... и шкатулка. Никто туда просто так не ходит.

— Кто имеет доступ? — Финч не отводил взгляда от мужчины.

— Вся семья, — мистер Фаррелл повёл рукой в сторону кухни, где слышались шаги жены. — Я, жена, сын. Но мы... — он запнулся. — Мы бы не взяли. Зачем?

Финч кивнул.

— Покажите шкатулку. Если она у вас.

Мужчина поднялся, подошёл к столику у дивана, взял с него деревянный ящик — тёмный, с потускневшей медной окантовкой по краям. И поставил на стол перед детективом.

— Вот. Вот она.

Калёб наклонился. Финч взял шкатулку и повертел в руках. Крышка — гладкая, без резьбы. Замок — маленький, старый, с прорезью для ключа. Металл вокруг прорези был исцарапан — тонкие, параллельные линии, будто кто-то пытался открыть его, но не грубо, а терпеливо, пробуя снова и снова.

— Замок взломан, — констатировал детектив, не поднимая глаз.

Фаррелл замер. Потом медленно сел в кресло, уставившись в пол.

— Но как?.. У меня единственный ключ. Я никогда его не снимал!

— Покажите, — попросил Август, протянув раскрытую ладонь.

Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, вытащив шнурок. На конце болтался маленький, потемневший от времени ключ. Простой, без украшений. Финч взял его, поднёс к замку, вставил. Повернул. Замок щёлкнул.

— Ключ подходит, — сказал он. — Отпечатков на нём нет. Следов снятия — тоже. — он вынул ключ, протягивая его обратно. — Его не копировали.

— Тогда как?!

Финч поднялся, и Кaleb, не сговариваясь, тоже встал.

— Поставь обратно на стол, — попросил Август, протягивая шкатулку. — Осторожно.

Кaleb взял ящик и отнёс к столику у дивана, поставив ровно, по центру. Затем сделал шаг назад и скрестил руки на груди.

— Сарай покажете? — повернулся Август к хозяину.

Мужчина кивнул и сглотнул, поднимаясь, опираясь на подлокотник кресла.

— Да, да. Идёмте. Эдвард, — позвал он сына, — проводи нас.

Парень поднялся со стула бесшумно — только скрипнули половицы под его ботинками.

У двери задержались. Жена стояла в проёме кухни, держа руки в переднике и глядя на мужчин встревоженными, напряжёнными глазами.

— Собаки... — начала она.

— Мы их уберём, — перебил мужчина, не оборачиваясь, и шагнул на крыльцо.

На заднем дворе было тихо. Слишком тихо.

Кaleb успел сделать всего три шага по утопанному снегу, когда из-за угла конуры, из тени, нависающей над дощатой стеной, выдвинулись две тени. Сначала — рык. Низкий, с хрипотцой, будто кто-то перекачивал камни в горле. Потом — сами собаки. Две, лохматые, с подпалинами на мордах, оскаленные, с цепями, натянутыми до предела.

Кaleb попятился, упёрся спиной в плечо Финча, и рука сама метнулась к груди — туда, где под пальто колотилось сердце.

— Господи Иисусе...

Сын и отец рванули к собакам одновременно. Фаррелл что-то крикнул — коротко, грубо, не разобрать слов. Парень шагнул вперёд, перехватил одну из цепей и дёрнул, прижимая пса к земле. Тот зарычал, осел, но продолжал смотреть на Калеба немигающим взглядом.

— Проходите, — бросил парень через плечо, не оборачиваясь. — Я их подержу.

Кaleb перевёл дыхание. Провёл ладонью по лицу, стирая холодный пот, который выступил на лбу.

— Такими темпами, — пробормотал он, глядя, как отец уводит вторую собаку за угол, — я тут инфаркт получу, раньше, чем мы найдём эту реликвию.

Август добродушно усмехнулся и шагнул вперёд, к сараю.

Дверь была приоткрыта, а снег на пороге был сбит, истоптан. Финч остановился в полшаге, не заходя внутрь, и медленно, неторопливо, опустил глаза к земле. Следы — мужские, широкие, глубокие, с чётким отпечатком каблука. Рядом — другие, присыпанные свежим снегом, но ещё различимые: острее, уже, с носком, похожим на треугольник. Несколько шагов от двери к углу сарая, потом обратно, к порогу, потом — в сторону, к окну, затянутому грязной плёнкой.

— Как часто вы заходите в сарай? — поинтересовался Август, не поднимая головы.

Мужчина, вернувшийся после собак, остановился в трёх шагах, тяжело дыша.

— Редко, — ответил он. — Только если нужно ожерелье показать... ну, или инструмент взять, если что-то ломается.

— Что-то ломалось? — Кaleb подошёл ближе и встал рядом с Финчем, стараясь не наступать на следы.

Фаррелл покачал головой:

— Нет. В последнее время — ничего.

Август подошёл к двери, присел на корточки, разглядывая замок. Не касаясь, только глазами. Металл — старый, с потёртостями на углах, но петли — чистые, без ржавчины. Замочная скважина — без царапин, без свежих следов.

Он поднялся, обошёл сарай по периметру. Снег у стен — нетронутый, ровный.

Финч остановился и посмотрел в сторону собачьей конуры. Псы уже сидели на своих местах, привязанные, но всё ещё настороженно поводили ушами, провожая его взглядом. Затем Август направился к окнам. У первого окна всё чисто. У второго тоже. Только чуть отойдя, детектив заметил несколько шагов туда-обратно. Словно кто-то топтался на месте, раздумывая.

— В дом, — сказал он, стряхивая снег с коленей.

— Вам уже что-то понятно, мистер Финч? — с нетерпением поинтересовался мужчина, ломая руки.

— Пока самую малость. Вперёд!

Финч снял шляпу, повесил на крючок в прихожей и прошёл в гостиную.

— Вы не против, если я осмотрю комнаты? — спросил он, обернувшись к хозяину.

Тот кивнул, стоя у двери.

— Делайте, что нужно.

Август кивнул и двинулся по коридору. Калёб — за ним.

Спальня мистера и миссис Фаррелл оказалась маленькой, с низким потолком и узкой кроватью, застеленной клетчатым одеялом. У окна — тумбочка с лампой, на подоконнике — засохшая герань в жестяном горшке. Финч подошёл к окну и посмотрел наружу. Вид открывался на задний двор — сарай, голые яблони, кусочки огородов.

Он отошёл, провёл пальцем по комоду — тонкий слой пыли, незаметный, если не искать. Заглянул под кровать. Пусто.

— Чисто, — констатировал он и вышел в коридор.

Калёб шагнул к двери напротив. Спальня Эдварда.

Комната парня была меньше, но светлее — окно выходило на восток, к забору, за которым виднелась дорога и крыши соседнего дома. Узкая койка, стол, заваленный книгами, грязная кружка, несколько карандашей и — сразу бросалось в глаза — на столе, рядом с потрёпанной тетрадью, лежал ярко-жёлтый шейный платок, аккуратно сложенный треугольником. Края были ровными, ткань — новой, не сношенной, не застиранной.

Финч подошёл к столу и остановился. Посмотрел на платок, потом на окно.

— Красивый платок, — оценил он, не оборачиваясь. — Яркий. Хорошо подходит к серому дню.

Парень, стоящий в дверях, чуть заметно улыбнулся.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил он смущённо.

Август отошёл от стола и осмотрел комнату ещё раз взглядом, бегло, но цепко. Ничего подозрительного.

Он вышел в коридор, кивнув Калёбу. Тот понял без слов.

— Мы закончили, — сказал Август, обращаясь к Фарреллу, который стоял у входа в гостиную, перебирая пальцами край рубашки. — Пока нам здесь ничего не нужно.

Он сделал паузу, затем взял шляпу с крючка.

— Вы не подскажете, где примерно располагаются цыгане?

Хозяин выдохнул, будто его отпустили.

— На востоке. За холмом. Если пройти по дороге до старого дуба, свернуть направо и подняться на холм — увидите их табор. Они уже несколько недель там стоят. — Он помолчал, добавив негромко: — Интересовались они ожерельем, когда приезжали в деревню. Спрашивали про старые вещи. Но мы им не говорили, где ожерелье прячем.

Финч кивнул.

— Собаки, — спросил он, уже стоя на пороге. — Как они вели себя ночью? Лай не слышали?

Хозяйка, стоявшая у входа на кухню, покачала головой, вытирая руки о передник.

— Нет, сэр. Тишина была. Никто не просыпался.

Август перевёл взгляд на неё, задержал на мгновение.

— Благодарю, — сказал он, словно подтвердив свои мысли, и вышел на крыльцо.

Кaleb двинулся за ним, плотно притворив за собой дверь.

Финч остановился у калитки, положил руку на холодный металл. Оглянулся на дом — на окна, на занавески.

— Что-то не так? — поинтересовался Кaleb, пряча руки в карманы пальто.

Август помолчал. Потом открыл калитку и шагнул в сторону дороги.

— Пока не знаю, — признался он. — Но собаки не лаяли. А это важная зацепка, Ржавый. Возьми её на вооружение — она ещё пригодится.

Дорога тянулась вдоль забора, потом сворачивала в поле — белое, пустое, с редкими чёрными пятнами кустов у горизонта. Ветер стих, и воздух стал плотным, холодным, с запахом мёрзлой земли и сухой травы.

Кaleb зашагал быстрее, поравнялся с Финчем и сунул руки глубже в карманы.

— А есть что-нибудь ещё? — спросил он, не глядя на напарника. — Хоть какая-то иная зацепка, кроме собачьего молчания?

Август не ответил сразу. Он шёл, глядя под ноги, на присыпанную снегом дорогу. Потом поднял голову, посмотрев на холм, темнеющий впереди.

— Есть несколько мыслей, — сказал он наконец. — Но картины целиком я пока не вижу. Могу ошибаться. Могу упустить что-то важное или, не дай Бог, соврать. Пока рано.

Кaleb коротко хмыкнул.

— Понятно. Играем в молчанку. Ясно.

Он ускорил шаг, обгоняя Финча, и двинулся к холму. Снег под его ботинками заскрипел громче, чем под ногами Августа.

Холм оказался выше, чем казалось издали. Подъём занял минут пять — ноги скользили на плотном снегу, приходилось цепляться за голые корни и стебли сухой травы, торчащие из-под белого слоя. Финч шёл позади, не отставая, дышал ровно — только пар вырывался изо рта редкими облачками.

На вершине ветер ударил в лицо сильнее. Отсюда открывался вид на долину — поля, перелески, извилистую дорогу, уходящую к горизонту. И внизу, у самого леса, — табор.

Повозки стояли кругом, образуя неровное кольцо. Между ними горел костёр, дым от него тянулся вверх, смешиваясь с серым небом. Несколько фигур двигались возле огня — кто-то сидел на земле, кто-то стоял, скрестив руки. Издалека доносился звук — не музыка, скорее ритмичный стук, будто кто-то бил в бубен или колотил палкой по дереву. И где-то две девочки-подростка и юноша плясали, чтобы согреться.

Кaleb прищурился, вглядываясь.

— Не ушли, — сказал он.

Финч стоял рядом, заложив руки за спину. Смотрел на табор долго, не мигая.

— Цыгане не ушли, — повторил он тихо. И добавил, словно говоря сам с собой: — Если бы они украли — они бы уже давно снялись. Собрали бы повозки и ушли подальше, пока кто-нибудь не хватился. А они здесь. Танцуют. Живут своей жизнью.

— Значит, не они, — Кaleb повернулся к нему. — Или они очень хитрые и ждут, пока мы уедем.

— Слишком рискованно, — Финч покачал головой. — Цыгане не любят связываться с полицией, повторяю. Им незачем ждать. Если бы они взяли ожерелье — их бы уже давно не было в округе. — Он сделал паузу. — Значит, не цыгане.

Они спустились с холма, обогнули заросли сухого кустарника и вышли на дорогу, ведущую к соседнему дому. Тот стоял чуть поодаль — низкий, деревянный, с покосившимся крыльцом и заколоченными ставнями на двух окнах. Снег на крыше лежал неровно, кое-где проглядывала серая дранка. Дым из трубы поднимался прямо вверх — слабый, едва заметный.

Финч подошёл к двери и постучал. Три удара — коротких, ровных. За дверью послышалось шарканье, потом голос — грубый, хриплый:

— Кого там принесло?

Дверь приоткрылась на цепочку. В щели показалось лицо — мужское, лет пятидесяти, с седой щетиной и настороженными глазами. Он оглядел Финча сверху донизу, потом перевёл взгляд на Калеба.

— Вы кто?

Финч вытащил из кармана визитку и протянул в щель.

— Август Финч. Частный детектив. А это мой коллега, констебль Морган, из городской полиции Филадельфии.

Мужчина взял визитку, повертел в пальцах, поднёс к глазам — шурился, видимо, без очков. Потом снова посмотрел на них, но уже с чуть меньшей подозрительностью.

— Полиция? — переспросил он мягче. — Что-то случилось?

— У ваших соседей пропала семейная реликвия, — вежливо объяснил Август. — Ожерелье. Большой ценности. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Мужчина задумался, почесав затылок под потёртой кепкой. Глаза его сузились.

— Та самая реликвия, что Фаррелл любит хвастаться? Ожерелье, вроде.

— Именно.

Мужчина хмыкнул, отступил от двери и снял цепочку.

— Неужто думаете, что мы его спёрли?

Финч ласково рассмеялся.

— Ни в коем случае! Просто проверяем все варианты. Ничего личного.

Мужчина помолчал, потом пожал плечами и шагнул в сторону, пропуская их.

— Ладно, заходите. Только осторожнее — порог высокий.

Внутри было темно, пахло печью, сухими травами и старым деревом. Комната оказалась небольшой, с низким потолком, закопчённой печью в углу и деревянным столом у стены. На столе стояли две глиняные кружки и тарелка с хлебом, накрытая тряпкой. На окнах — занавески из выцветшего ситца, сквозь которые пробивался тусклый свет.

Из кухни, шаркая, вышла женщина — пожилая, с морщинистым лицом и руками, покрытыми тёмными пятнами. Она несла поднос с чайником и ещё двумя кружками. Поставила на стол и кивнула гостям, не говоря ни слова.

— Садитесь, — мужчина махнул рукой на лавки вдоль стены. — Чайку попейте. Дорога-то неблизкая.

Финч сел на лавку, положив шляпу рядом. Калёб опустился рядом, сложив руки на коленях, оглядывая комнату — стены, пол, щели в половицах. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы выдать.

Мужчина уселся в кресло — единственное в комнате, с продавленным сиденьем и ободранными подлокотниками. Прокашлялся, отхлебнул чаю из кружки, которую подала женщина, и только потом заговорил:

— Мы сами-то ограбленные, сэр. Потому и бежали сюда.

Финч взял кружку, поднёс к губам, но не пил — только держал, грея руки.

— Откуда вы?

Мужчина помялся, поставив кружку на колено.

— С Рид-стрит. Слыхали про такое место?

— Слышал, — Август кивнул. — В 1910-х там орудовали уличные банды. В основном подростки. От двенадцати до двадцати лет. «Рид-стритские волки», кажется? Или «Пятая улица»?

Мужчина оживился, наклонившись вперёд.

— Вот-вот. Они самые! Мы оттуда и ушли. Кое-как сумели вырваться. — Он провёл ладонью по лицу, словно устал от одних воспоминаний. — Живём бедно, тут и говорить нечего. Но хоть живы.

Финч отпил чай — горячий, с травами, чуть горьковатый, — и поставил кружку на стол.

— Вы говорили, что вас ограбили. Это было там, на Рид-стрит?

— Да. Налетели, перевернули всё. Забрали, что могли. Нам нечего было отдавать, так они и ушли. — Мужчина махнул рукой. — Но мы уехали. Кто их знает, что они там ещё задумают.

В этот момент из-за двери, ведущей, видимо, в другую комнату, раздались шаги. Лёгкие, быстрые. Дверь приоткрылась, и в проёме показался парень.

Лет пятнадцати, не больше. На голове — кепка-восьмиклинка, потёртая, с выцветшим козырьком. Пиджак — явно с чужого плеча, слишком широкий в плечах, с закатанными рукавами. Ботинки грубые, сбитые. На шее алел шейный платок. Парень держал в руках тарелку с дымящейся картошкой, поставил её перед мужчиной и только тогда поднял глаза на гостей.

Взгляд — настороженный, колющий. Он окинул Финча и Калеба быстрым движением глаз, отчего казалось, будто он их изучает, заодно оценивая.

Мужичок словно ожил и подался вперёд.

— А это мой младший, — представил он, кивая на парня. — Самуил. Старший в Лондоне сейчас, в тюрьме — за драку. А этот — кормилец наш.

Финч поднялся, протянув руку парню.

— Очень рад знакомству. Август Финч.

Самуил посмотрел на его руку, помедлил, затем пожал её — коротко, сухо. Ладонь у него была тёплой, но жёсткой, с мозолями на пальцах и у основания ладони.

— Вы работаете в порту? — спросил Финч, не отпуская руки — на мгновение задержал.

Парень нахмурился, грубо выдернув ладонь.

— Откуда знаете?

Август неторопливо сел обратно, взял кружку, отпил.

— Мозоли. У тех, кто чистит рыбу в порту, они выглядят именно так. Огрубевшая кожа на ладонях и пальцах. Следы от постоянного контакта с водой и солью.

Самуил спрятал руки в карманы. Губы сжал.

— Я один обеспечиваю семью, — сказал он глухо. — Отец болен, мать уже старая. Работаю, сколько могу.

— И в котором часу ты обычно встаёшь на работу? — поинтересовался Август, делая ещё один глоток чая. — В порту же рано начинают. Рыбу привозят затемно.

Самуил открыл рот, но отец опередил его, довольно хмыкнув:

— А он у нас молодец! Встаёт в четыре утра, сэр! В четыре! Представляете! Пешком идёт — почти час, а то и больше. Как часы, каждое утро, кроме воскресенья. И ни разу не опоздал! Я-то сам уже не могу, а он — держится. Кормилец!

Мужичок с нескрываемой гордостью посмотрел на парня. Самуил перевёл взгляд на отца, потом снова на Финча, и кивнул.

— В четыре, — подтвердил он. — Летом светлее, зимой — темно, но ничего. Привык.

Финч чуть заметно приподнял бровь, но промолчал — только поставил кружку на стол и посмотрел на парня внимательнее. Он ничего не сказал вслух — только перевёл взгляд на Калеба. Тот едва заметно качнул головой.

— Хорошо, — с уважением похвалил Финч. — Это тяжело. Ты молодец.

Самуил не ответил. Только переступил с ноги на ногу, и Кaleb заметил, как он бросил взгляд на отца, потом на окно, потом снова на гостей.

Кaleb откашлялся, подавшись вперёд.

— Скажи, Самуил, — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и доброжелательно, — ты дружишь с Эдвардом? С сыном соседей?

Парень открыл рот, собираясь ответить, но в это время мужичок вдруг засмеялся — довольно, громко, хлопнув ладонью по столу.

— Ещё бы! Они не разлей вода, сэр! В этой деревне мало парней. Одни старики да бабы. Так что мальчишки держатся вместе. Самуил и Эдвард — лучшие друзья. Всюду вместе: на рыбалку, в лес, а иногда и в порт, когда Самуилу нужно помочь. Они вчера на рыбалку ходили — с утра пораньше, пока нет работы. Там, пройти вдоль забора, обогнуть дом и к заднему двору. Так что парни наши всегда заняты, не то что некоторые бездельники! Вот так-то!

Самуил чуть заметно дёрнул плечом — то ли кивнул, то ли просто поёжился.

— Да, — подтвердил он хриловатым голосом. — Мы друзья. А что? В этом есть что-то плохое?

Кaleb покачал головой, поднимая руки в примирительном жесте:

— Нет, что ты. Ничего плохого. Просто любопытно.

Финч снова отпил чай, поставил кружку на стол и поднялся. Кaleb тоже встал.

— Спасибо за чай и гостеприимство, — улыбнулся Август, надевая шляпу. — Вы нам очень помогли.

Мужичок поднялся, протянул руку Финчу, потом Калебу.

— Если что ещё надо будет — заходите. Мы всегда рады помочь!

— Благодарю, — Финч кивнул и направился к двери.

Уходя, Кaleb заметил, что на запястье Самуила виднеется тонкая красная царапина — свежая, словно от ветки или сучка. И на одежде — пара кусочков сухих листьев, застрявших в складках пиджака.

Они вышли на крыльцо. Кaleb ступил на снег, подождал, пока Финч поравняется с ним, и только тогда спросил:

— Заметил?

— Что именно? — Финч поправил шляпу, не глядя на него.

— У парня на запястье — царапина. Свежая. И листья на пиджаке. — Кaleb остановился, обернувшись на дом. — Ни у кого из них на одежде нет листьев, кроме Самуила. А у нас тут — ноябрь. Всё голое. Где он мог набраться листьев?

Август замер. Посмотрел на Калеба, потом на дом, потом на дорогу, уходящую к воротам Фаррелла.

— Ты прав, — согласился он медленно. — И царапина, и листья — они могли появиться только там, где есть что-то деревянное. Или, где он залезал куда-то. — Он помолчал, проводя пальцем по краю шляпы. — Он говорит, что встаёт в четыре утра. Идёт пешком почти час. Но одежда на нём чистая, без запаха рыбы. И на руках — только мозоли, без следов чешуи или крови. Странно. Очень странно для парня, который провёл несколько часов, разделявая рыбу.

Кaleb присвистнул.

— Значит, он не был в порту сегодня. Был в другом месте, — он повернулся к Финчу. — Мы идём обратно?

— Идём, — Финч уже шагал к воротам, снег скрипел под ногами, с каждым шагом быстрее. — Но не к Фарреллам. Пока не к ним. Сначала проверим то, что в глаза бросается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.